

Мещерский Алексей Павлович

**Записки русского
путешественника. Голландия,
Бельгия и Нижний Рейн**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 379.85
ББК 75.81
А47

А47 **Алексей Павлович М.**
Записки русского путешественника. Голландия, Бельгия и Нижний Рейн / Мещерский
Алексей Павлович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 434 с.

ISBN 978-5-519-96381-7

ISBN 978-5-519-96381-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Пароходъ. — Травемюндъ. — Любекъ. — Гамбургъ. — Альтоѳа. — Могила Клопштока. — Больница.

Поездка моремъ не имѣетъ ничего привлекательнаго: здѣсь все однообразно и угрюмо! Во время тихаго плаванія есть еще возможность пользоваться пріятностію общества, но вмѣстѣ съ переменною погоды исчезаетъ и любезность въ разговорѣ: всѣ расходясь по угламъ, спрашиваютъ, жалуются, ропщутъ и немилосердно накидываются на перваго услужливаго, имѣвшаго неосторожность вызватьсь съ утѣшеніями. Что можетъ быть несноснѣе человѣка, занятаго однимъ своимъ физическимъ спрдаіемъ!

Въ первыхъ числахъ Іюня 1839 года, я заплашилъ за мѣсто до Любека, и на транспортномъ суднѣ отправился въ Кроншадтъ:

пусть стоялъ на якорѣ большой красивый пароходъ. Когда мы перешли на него и размѣстились около длинныхъ столовъ, чѣмъ принялся за Нѣмецкій обѣдъ, насъ нашлось болѣе 240 человекъ. Респорашёръ, вѣроятно, не готовился къ такому числу гостей, что особенно можно было примѣнить по скучно долгимъ промежуткамъ при перемѣнѣ блюдъ: мы должны были просидѣть около трехъ часовъ. Сколько пробокъ взлетѣло къ потолку, сколько вздоховъ вырвалось изъ груди, сколько различныхъ чувствъ, разныхъ воспоминаній спланивалось въ одно и то же время! Около вечера спали показывавшся пассажиры мѣста: всѣ, одинъ за другимъ, спѣшили на палубу, и, наконецъ, лодки съ грузомъ родственниковъ и друзей поплыли къ гавани — путешественники остались одни. Вотъ крипическая минута! Каждый спѣшилъ узнать покороче безоплутаго товарища, которымъ судьба наградила его на цѣлые три дни, и какъ непріятно это испытаніе, какъ несносны глаза, устремленные съ пронзительнымъ любопытствомъ! А улыбка учтивости, этотъ обветшалый шлемпель свѣтскихъ приличій, дѣлаешь ихъ еще не-

спершимъе. Присупъ къ прехдневному разговору очень тяжель ! До меня очередь не доходила, а попому я, забавляясь запруднипельнымъ положеніемъ моихъ спупниковъ, свободно могъ прислушивапсья къ вопросамъ и опвъпамъ. Тогда невольно пришелъ мнѣ на память разсказь о спранностяхъ одного запѣйливаго весельчака, копорый былъ такъ неравнодушенъ къ любопытству другихъ, что рѣшился вооружиться пропшвъ него самымъ опчаяннымъ образомъ. При входѣ въ общую споловую комнапу, прежде чѣмъ брался за приборъ, онъ обыкновенно спѣшилъ сообщить о себѣ самыя полныя свѣденія : „Милоспивые Государи ! меня зовупъ такъ-то ; пушешествую для своего удовольствія ; ѣду изъ шакого-то города въ шакой - то ; опъ роду мнѣ сполько-то лѣпъ ; имѣю семейство ; первая моя жена умерла родами ; я женился на другой, копорая подарила меня двумя милыми дочерьми и шалуномъ сыномъ ; дѣвочекъ воспитываю дома, а мальчика опдалъ въ заведеніе. Состояніе мое небольшое, но могу жить безъ заботъ ; за исключеніемъ подагры, періодически навѣщающей меня каждую осень, я пользуюсь опличнымъ здоровьемъ ; припомъ веселаго ха-

рактера : люблю общество и хорошее вино. Ну , Кельнеръ , теперь ты можешь дать мнѣ шарелку супу.“

Мы простояли на якорѣ до двухъ часовъ утра , поджидая Англійскаго курьера съ депешами. Во всю ночь никто не ложился : всякому хотѣлось видѣть первое движеніе парохода. „Мнѣ кажется , онъ уже прогаеется,“ сказала одна дама , медленно укладывая зеленую сафьянную записную книжку въ наручный мѣшокъ. „А мнѣ такъ кажется , что онъ пошелъ,“ отвѣчалъ щеголевато-одѣтый молодой человекъ , который , не обращая вниманія на шумъ колесъ , искалъ только случая завязать разговоръ „Помилуйте , давно уже , какъ онъ идетъ !“ вскричалъ нетерпѣливый Капитанъ , и громкій смѣхъ послышался со всѣхъ сторонъ. — Утро было прекрасное ; но около полудня показались рыболовы. Зловѣщія пшпцы никогда не ошибаются : скоро поднялся вѣпръ , и черезъ часъ одни мужчины оспавались на палубѣ. На другой день погода перемѣнилась , но смотрѣть было не на что : мы были въ открытомъ морѣ , а берега съ ихъ видами , во время качки ускользнули отъ насъ. Когда мы приближались къ Борнгольму , Капи-

ипанъ пришелъ съ извѣщеніемъ , что оспровъ видѣнъ ясно. Мы подошли къ нему еще ближе , и въ его видахъ я не нашелъ ничего особеннаго ; но перо незабвеннаго Карамзина сдѣлало его интереснымъ. Всѣмъ хотѣлось смотрѣть, всякому хотѣлось вскрикнуть: „Боригольмъ ! Боригольмъ !“ На проспранспвѣ опѣ него до Рюгена , встрѣчающія виды довольно живописныя : по берега съ опушкою мелкаго лѣса, по долины съ деревнями, садами и красивыми усадьбами сельскихъ домиковъ, по угрюмыя , нависшія скалы смотрятся въ морѣ. Чѣмъ болѣе мы приближались къ цѣли нашего путешествія, тѣмъ занимательнѣе разнообразились каршины. Наконецъ показался вдали и Травемюндъ. Неперпѣніе овладѣло всѣми; но какъ нарочно , все дѣлалось проптивъ нашего желанія: уже смерклось совершенно, когда не доходя до него, на разспояніи чепверти версны былъ брошенъ якорь : Капитанъ боялся попасѣ на мель. Въ слѣдствіе нѣсколькихъ ракетъ, пущенныхъ чптобы вызвать лоцмановъ , подошелъ маленькій пароходъ для перевозки насъ , но имъ никто не воспользовался. Оспапокъ ночи мы провели въ разговорахъ, а съ восходомъ солнца попянулись

къ гавани. — Травемюндъ очень малъ ; по его деревянные домики довольно красивы, хотя не всѣ одинаково опрятны.

Дорога до Любека не имѣетъ ничего замѣчательнаго. Въ самое короткое время я прибылъ въ этотъ портовый городъ , и первую моею заботою было искать, гдѣ помѣститься: музыкальное собраніе привлекло сюда до восьми сотъ арписповъ , которыми наполнились всѣ комнаты пракшировъ. Неудачныя попытки охладили меня къ Любеку : я рѣшился ѣхать до Гамбурга. Но пока запрягали лошадей, мнѣ удалось сдѣлать небольшую прогулку: дома въ нѣсколько этажей и съ пирамидальными крышами, при узкихъ улицахъ, даютъ городу видъ мрачный ; особенной чистоты также не замѣтно. Мнѣ не жаль было расстаться съ нимъ.

Шоссе до Гамбурга, начатое пять лѣтъ тому назадъ, дѣлается и по сіе время; утвердительно можно сказать, что еще нѣсколько лѣтъ будутъ ѣздить по песчаной дорогѣ, которая несносна. Совершенно смерклось , когда я пріѣхалъ. Выбирать гостиницу было трудно ; я велѣлъ себя везти въ Лондонъ :

пусть оспанавливаются все, желающие иметь хорошия комнаты, вкусный столъ и внимательную прислугу. За исключеніемъ цѣнъ, очень высокихъ, заведеніе заслуживаетъ справедливую похвалу. — Городъ красиво выстроенъ. Улицы широки, хорошо вымощены и содержатся опрятно; за то переулки узки, кривы и нечисты. Все пространство земли, прежде занятое укрѣпленіями, постепенно покрывается садами, и составляетъ прѣкрасное мѣсто для гулянья, откуда можно наслаждаться открытыми видами. Туда жители собираются дышать чистымъ воздухомъ подъ тѣнью роскошныхъ деревьевъ, и слушать музыку, которая къ вечеру собирается въ кофейныхъ домахъ. Употребивъ цѣлое утро на то, чтобы ознакомиться съ городомъ, послѣ обѣда я пошелъ въ поискомъ въ Альшону. Гамбургскій житель, съ которымъ мы сошлись на пути, вызвался быть моимъ компаніемъ. Онъ когда-то проживалъ въ Россіи по торговымъ дѣламъ, и былъ очень радъ прислужиться Русскому. Мы проходили площадью, покрытою балаками и балаганами, около которыхъ толпился народъ. Тутъ показывались разныя диковины: бѣлыя мыши въ банкѣ, чучелы изъ крысъ,

змѣниныя шкуры, шуповской пѣапръ и кака-
 по панорама. „Вошъ предмѣспіе Гамбурга, и
 скоро будемъ въ Альпонъ!“ сказалъ мой по-
 варищъ. Наконецъ пришли мы и къ ней. „Гдѣ
 же граница между Гамбургомъ и владѣніями Даш-
 скаго Короля?“ спросилъ я, видя непрерывную
 цѣпь домовъ, копорою соединялись предмѣспія
 обоихъ городовъ. „Границы вы шупъ не найде-
 те,“ отвѣчалъ онъ: „попому чпо эшопъ домъ
 спойшъ одною половиною на Гамбургской зе-
 млѣ, а другою на Дашской. Но если вы хо-
 шише непременно ее видѣшъ, шо пойдеше
 въ боковую улицу: шамъ я вамъ ее покажу.“
 Повернувъ въ переулокъ, мы поровнялись съ
 заднею часпїю дома, опдѣлявшагося опъ со-
 сѣдняго небольшимъ пропокомъ воды. Здѣсь,
 на распояніи полупора аршина, сдѣлана опъ
 одной спѣны до другой дуга изъ полосы же-
 лѣза, на верху которой посшавленъ значекъ.
 „Вошъ,“ сказалъ мой проводникъ: „граница двухъ
 владѣній!“ Не лѣзя бѣмо не полюбовапъся сред-
 спвомъ, придуманнымъ жипшелями, чшобъ по-
 правипъ ошибку простодушнаго, наптріархаль-
 наго быша предковъ. — Альпону не лѣзя
 сравнишъ съ Гамбургомъ. Нѣшъ шого опряп-
 наго вида и улицы не шакъ красивы; но

одна изъ нихъ мнѣ особенно понравилась: экипажи свободно могутъ разѣзжаться по обѣимъ сторонамъ аллеи изъ вѣковыхъ деревьевъ, копорыхъ сучья сплешающа надъ головами гуляющихъ, и изъ этой густоты вѣшвей показывающа на всякихъ пятнадцати или двадцати шагахъ висящія лампы, разливающія доспапочный свѣтъ во время вечерней прогулки. — Мы пришли къ кладбищу: бытъ въ Альфонъ, и не видатъ могилы Клопшпока, казалось мнѣ непрощипельнымъ. Я повернулъ защелку плотно припворенной двери, и вошелъ въ ограду. Около храма, довольно вешаго, но искусно поновленнаго, множество надгробныхъ камней, украшенныхъ цвѣтами, свидѣтельспвуютъ о памяти живыхъ къ умершимъ, и между ними, какъ между любимцами міра, одинъ опшельникъ! Крапива и рѣпейникъ закрываютъ его до половины. »Воптъ могила Клопшпока!« сказалъ мой поварищъ, и мы съ любопытспвомъ подошли къ ней. Надпись прослая, полуиспершая временемъ, извѣщаешъ, гдѣ погребены останки одного изъ величайшихъ поэтовъ. Его первая жена, а попомъ вторая и ребенокъ положены шущъ же. — Клопшпокъ всегда пользовался уваже-

ніемъ своихъ соотечественниковъ ; по смерти еще болѣе опдають справедливости его необыкновенному таланту ; но любимъ онъ не былъ. Не многіе изъ Германцевъ понимаютъ языкъ его , а еще менѣе тѣхъ , которые могли бы понять его мысль. Кажется, что онъ самъ себя не понималъ: иначе какъ объяснить его дерзновеніе въ выборъ столь высокаго и священнаго предмета для Эпопеи?

Нѣсколько подальше начинается извѣстный своими видами Альпонецкій садъ. Мы вошли въ респорацію , и сквозныя сѣни вывели насъ на длинную террасу задняго фасада дома, гдѣ открылась одна изъ тѣхъ плѣнительныхъ видописей, которыя на картинахъ кажутся игрою воображенія. Среди луговъ съ перелѣсками и селеніями , Эльба , покрывая во всѣхъ ея извилинахъ направленіяхъ легкими судами и барками , тянется серебристою полосою ; опдаленныя красивыя усадьбы сливаются съ лугомъ и берегами рѣки ; зеленая завѣса скрываетъ иногда дальніе виды, за що, въ прорѣзахъ, картины кажутся еще прелестнѣе — онѣ опдѣлены опъ оспальнаго, и какъ бы вспавлены въ рамки. На террасѣ постав-